ЭХО הד

תרגומי השירה הלירית לעברית מרוסית מאת אדולף גומן

Лирическая поэзия в переводе на иврит Адольфа Гомана

Ионатан РАТОШ

יונתן רטוש

Из книги "Вожделение"

מהספר "יוחמד"

стихи

שירים

примечания переводчика

הערות של מתורגמן

adolf.goman@gmail.com

Ионатан РАТОШ

(1908-1981)

Содержание ***תוכן העניינים***

Краткая биографическая справка על יונתן רטוש

Серенада	סֶרֶנָדָה
Разгром	לְפִי חֶרֶב
Тот, кто умер	מִי לוֹ מֵת
За грехи	על חטא
На скрипке	עֲלֵי כִּנּוֹר
Паяц	מֵקִיׁון
Поздравление	ברכת שושנים
Лес	יער
Подушка	כָּר
Струна	מֵיתָר
Идол	צֶלֶם
Давильня	פּוּרָה
В пурпуре	בָּאַרְגָּמָן
Одень меня, любимый	עֲדֵנִי דוֹד
Наполнилась кожа моя	רָוָה עוֹרִי
Семь	שֶׁבַע
Цыганка	אַחַת
Усмешка	חִיּוּךְ
Похороны	לְוָיָה
След	עָקֵב
Лист	עָלֶה

* Может быть, "Йохемед" יוֹחֶמֶד , изобретённое Ратошем слово, – это наложение двух слов: יוּחָם – разгорячённый и חֶמֶד – красота? Или это изобретённое имя, типа Йонатан, со значением вроде "Божья краса"? Но все стихотворения этого сборника, приведенные в книге, посвящены плотской любви. В них не только не уместно намекать на Его имя, но нет даже слова "красота".

Краткая биографическая справка

РАТОШ Ионатан (псевдоним; настоящее имя Уриэль Шелах /Гальперин/; 1908, Варшава, – 1981, Тель-Авив), израильский поэт и публицист, основатель и идеолог группы израильских интеллектуалов «Младоевреи» (прозвище – кна‘аним). Писал на иврите. В 1919 г. приехал с матерью в Эрец-Исраэль. В 1926 г. окончил гимназию «Герцлия» (Тель-Авив) и в том же году в литературном приложении к газете было опубликовано его первое стихотворение. В 1929 г. уехал продолжать образование в Париж.

В 1930 г. Ратош вернулся в Эрец-Исраэль. В этот же период Ратош опубликовал ряд стихотворений, вошедших впоследствии в его поэтические сборники; некоторые из них уже тогда отражали своеобразие его творчества и характерные черты его лирики. Большинство поэтических произведений этого периода так же, как и вся его публицистика, выражали его крайне националистические взгляды, воинствующий политический экстремизм. Он призывал к открытой борьбе против британских властей, отступивших после арабских беспорядков 1929 г. и кровавых событий 1936 г. от обязательства превратить подмандатную Палестину в национальный очаг еврейского народа.

Чтобы избежать ареста, Ратош в 1938 г. вновь отправился в Париж и жил там до начала Второй мировой войны. Он изучал языковедение, много читал об истории, культуре и этногенезе древних народов Ближнего Востока, занимался литературными переводами с французского на иврит и продолжал свою публицистическую деятельность в прессе Эрец-Исраэль.

Основная идея Ратоша заключалась в том, что в Эрец-Исраэль, как в других странах мира, население которых было создано иммиграционными волнами разных народов (например, США), формируется новая нация. Ее ядром должны стать уроженцы Эрец-Исраэль, без различия их происхождения и вероисповедания, готовые признать себя духовными наследниками древнейшей цивилизации народов, населявших большую часть стран так называемого Плодородного полумесяца (район передней Азии от границы с Египтом до реки Евфрат, включающий Эрец-Исраэль). Эти народы задолго до завоевания Эрец-Исраэль израильскими племенами создали богатую политеистическую культуру. Следы ее отражены в древнейших пластах Библии и обнаружены в археологических раскопках в Эрец-Исраэль, Сирии, Турции и Ираке. Иудаизм, христианство и ислам подавили развитие этой культуры, и задача новой нации *иврим* возродить ее на древней родине в ипостаси современной светской европейской цивилизации, превратить Ближний Восток, освобожденный от гнета монотеистических религий, в жемчужину Азии. Нитью, связывающей древность с настоящим и будущим, послужит иврит, который был — в различных его диалектах — единственным языком общения этих народов. Он возрожден в современной Эрец-Исраэль, и ему предстоит стать языком обновленной культуры стран Плодородного полумесяца. Ратош категорически отвергал культуру еврейской диаспоры, рассматривая евреев как исповедующую иудаизм часть народов, среди которых они рассеяны.

В сентябре 1939 г. Ратош вернулся в Эрец-Исраэль и начал проповедовать свои идеи. В 1940 г. был организован кружок, который с течением времени разросся и превратился в группу, привлекшую ряд поэтов, писателей, деятелей искусства, научных работников и журналистов. [1]

Поэзия Ратоша вызвала острую дискуссию, в основном вокруг проблемы: является ли его творчество прямым продолжением, или даже новой фазой развития особого направления в литературе на иврите, начало которому было положено в конце 19 в. в Польше и России, или беспрецедентным феноменом, целиком порожденным идеологией Ратоша, создавшего для ее художественного воплощения своеобразные литературные приемы и формы. Ратош широко использует лексику, идиоматику, формы словоизменения и словообразования самых архаических пластов библейского иврита, употребляя иногда лексику и стилистику древнефиникийских рукописей. Мифология Древнего Востока, Передней Азии, ее боги и богини возрождаются в его сугубо чувственной лирике, архаизмы переплетаются с современным ивритом, а разговорный язык зачастую архаизируется, в любовных стихотворениях порой напрашивается метафорическое или символическое толкование наподобие традиционного толкования "Песни Песней". В дальнейшем лирика Ратоша, сохраняя поэтическую индивидуальность автора вписывается в израильскую поэзию 1960–80-х гг., за исключением некоторых «вылазок».

Первые поэтические произведения Ратоша вызвали интерес в литературных кругах, но были отвергнуты большинством критиков и ши-рокой публикой, не готовых принять его новаторство, которое шло вразрез с общепринятой в израильском обществе концепцией. Однако со временем неприязнь сменилась дискуссией, в особенности о поэтике Ратоша, а в последние годы жизни он был почти единодушно признан одним из крупнейших израильских поэтов.

Ратош перевел на иврит многие произведения французской литературы, в том числе все басни Лафонтена, пьесу «Сирано де Бержерак» Э. Ростана и роман «Чума» А. Камю.

(Из "Еврейской электронной энциклопедии")

---

[1] Но одно дело – идейные установки, другое дело – поэзия. Герой Ратоша (по крайней мере на первом этапе) не "естественный" человек, живуший в первобытной свободе от общественной морали, а современный человек, не избегающий искушений свободой, властью, любовью и другими страстями, но готовый заплатить за них полной мерой, даже жизнью. (А.Г.)

Серенада

Неслышный ропот волн
Вечерний сумрак скрыл
То царь морской следит
Как сходит солнца диск

Взволнованный напев
Предчувствий не родит
Предчувствия вовек
У страсти на устах

Темнеет волн простор
И пурпур облаков
То лижет царь морской
Дня тёплую золу

Не вспыхнет уголёк
От юности золы
Но вечный идеал
В устах огнём горит

Всклокочены валы
И сумерки густы
И к буйной голове
Ревнует царь морской

Но локон ни один
С главы моей не пал
Он вечен локон-шёлк
Любимого тобой

סֶרֶנָדָה

מִלְמוּל גַּלִּים כָּבוּשׁ
בְּדִמְדּוּמֵי עַרְבִּית
זֶה שַׂר שֶׁל יָם מַבִּיט
לַשֶּׁמֶשׁ הַבָּאָה.

הֶגִיג אַף לֹא יוּצַר
מִלַּחַן עִצְבוֹנִי
הֶגִיג-תָּמִיד סָמָר
מִדַּל שִׂפְתֵי עֶדְנָה.

מִשְׁטַח גַּלִּים דּוֹעֵךְ
מוּל פֶּרְפִּרִית עָנָן
זֶה שַׂר שֶׁל יָם לוֹחֵךְ
בְּאֵפֶר יוֹם פָּנָה.

גַּחֶלֶת לֹא תֵצַת
מִדֶּשֶׁן נְעוּרַי
מַשֵּׂאת-תָּמִיד הוֹגָה
בַּלַּהַט הַבּוֹעֵר

פַּרְעוֹת גַּלִּים חָגִים
בִּסְגוֹר הָאַפְּרוּרִית
זֶה שַׂר שֶׁל יָם יָרִיד
זֶה רֹאשׁ פַּרְעוֹת אוֹהֵב

תַּלְתַּל אַף לֹא יֵקַח
מִפֶּרַע שְׂעָרִי
תַּלְתַּל-תָּמִיד צוֹנֵן
מִנַּעַר אֶהֱבֵךְ

Разгром

1

Привет тебе, дочь стали,
Сабля – не дрогнешь в крови!
Дни, что ещё не настали,
Мне колдовством яви.

Дай победителю славу,
Царств покорённых трофей:
Золото, пурпур кровавый,
Головы грозных вождей.

Руку дай нам, дочь стали,
Сжать её будет рад
Каждый, с кем мы восстали,
Каждый, кто друг и брат.

К врагу повернись жалом.
К Тигру в жестокой борьбе
Гнать будем, чтоб дрожал он –
Жертва закланья тебе.

2

Стали холод зимний
Лезвие хранит.
Колдовством яви мне
Всё, что ночь родит.

Сплав железа с голью
В кандалах звенит.
Каждый, кто над болью,
Сможет, устоит.

לְפִי חֶרֶב

א

בָּרוּךְ אַתָּה לִי פֶּלֶד
סַיִף עַז וְטוֹב
כָּל אֲשֶׁר יוֹם יֵלֶד
תַּעַל לִי בָּאוֹב

תַּעַל לַמְנַצֵּחַ
הוֹד מַלְכוּת לוֹהֵב
אַרְגָּמָן זוֹרֵחַ
רֹאשׁ פַּרְעוֹת אוֹיֵב

סֹבָּה נָא בֶּן פֶּלֶד
סֹב וְנַחַז בָּךְ
כָּל אֲשֶׁר לוֹ חֶלֶד
כָּל אֲשֶׁר לִי אָח

סֹבָּה נָא הַסַּיִף
יֵרֶא אוֹיֵב בָּךְ
עַד רֶכְסֵי חֲדַיִב
הוֹד לָךְ נְזַבַּח.

ב

עַז אַתָּה לִי תַּעַר
סַיִף קַר וְטוֹב
כָּל אֲשֶׁר לֵיל יַהַר
תַּעַל לִי בָּאוֹב

כּוּר בַּרְזֶל וְעֹנִי
סַד לְסַד נוֹקֵשׁ
לְכָל אֲשֶׁר כָּמוֹנִי
כָּל שֶׁלֹּא כִּחֵשׁ

Смерти звать не надо,
И оставь печаль:
За народом правда,
А души не жаль.

Не зови застенка:
Нет покоя там.
Головой об стенку –
Бейте, не предам.

אַל קָרָא לַמָּוֶת
אַל קָרָא לַצָּר
חֶסֶד הוּא אִם שֶׁבֶט
נֶפֶשׁ לֹא תִּיקַר

אַל קָרָא לַמָּוֶת
אַל קָרָא לַבּוֹר
רֹאשׁ בַּצּוּק יֵחָבֶט
הַךְ! – וְלֹא יִמֹּר.

3

Будь благословен Он,
Давший жизнь с душой!
Кто покажет спину,
Меч тому судьёй.

Пусть весь мир намерен
Воинством прийти.
Ты того, кто верен,
На крови святи.

Сабля, дочь надежды,
Продолжай летать.
Режь! И пусть, как прежде,
Правит рукоять.

ג

בָּרוּךְ שֶׁהֶחְיִיתָנוּ
נֶפֶשׁ שִׂים בַּכַּף
חֶרֶב תִּשְׁפֹּט-לָנוּ
עֹרֶף כִּי נִכַּף.

סֹבִּי סוּכַת שָׁמֶן
אִם צְבָאוֹת עוֹלָם
מְשִׁיחֵךְ יֵאָמֵן
תְּקַדְּשִׁי עַל דָּם.

סֹבִּי בַּת תּוֹחֶלֶת
צַמְאוֹנֵךְ יִשְׂרֹק
פִּיךְ חֲשׁוּף הַפֶּלֶד
עַד נִצָּב יָחֹק.

Из сборника "Чёрная хупа" [2]

מהספר "חוּפָּה שְׁחוֹרָה"

[2] Название сборника восходит, повидимому, к обычаю, практиковавшемуся с давних времён в некоторых еврейских общинах. Во время эпидемий и других бедствий устраивали ночью на кладбище за счёт общины свадьбу пары бедных людей. Повидимому, этот

Тот, кто умер

Тем, кого чума скосила,
Место в памяти детей.
Кому череп сталь пробила,
Ляжет тихо, без затей.
Выроет себе могилу
Всяк на кладбище страстей.

Незадача! Хоть ты тресни,
Мёртвый больше не воскреснет,
Смолкнет, ляжет и... вперёд!
Вверх тормашками иль боком
В бездну чёрную глубоко
Дружно катится народ.
Кто кутил,
Гулял и пил -
Всех огонь нас адский ждёт.

Но пока что я в дороге.
Тьма редеет, свет горит...
Получив пинок от бога,
Я затормозил немного.
Боже! Это ты, Лилит? [3]
Да, она. Звездой мерцая,

מִי לוֹ מֵת

מִי לוֹ מֵת הֵכָּה בַּדָּבָר
הוּא יָקִים לוֹ מַצֵּבָה.
מִי הֵתַּז רֹאשׁוֹ **כַּגֶּבֶר**
יִתְבּוֹסֵס לְמַעְצֵבָה.
כָּל הַחַי יַחְפֹּר לוֹ קֶבֶר
בְּקִבְרוֹת הַתַּאֲוָה.

רֹאשׁ לַדָּחִי
מֵת לֹא יָחִי
דּוּמָה רֵדִי. כֹּה לָחִי.
גֹּל תְּהוֹמָה.
קְדְקֹד רוֹמָה.
הֵחָלְצוּ לַשֵּׁד, אֶחִי.
וְהַיַּיִן
יֵז בָּעַיִן
יִלָּפֵד בְּרֶשֶׁף חַי

רֶשֶׁף
כֶּשֶׁף
עֶמֶק נֶשֶׁף
תִּתְלַהֵט הָאַפְּלוּלִית.
אֵל בָּעַט בִּי.
פֶּגַע שֶׁת בִּי.

ритуал - отголосок древнего языческого культа мёртвых**,** которых живые просят заступиться перед Ангелом смерти за общину, совершающую доброе дело. В годы создания сборника Ратош стоял во главе группы сторонников возврата к язычеству, характерному для древнего Канаана до перехода к монотеистическому иудаизму.
(Моя благоданость г-ну *Ontario-14* за информацию.)

[3] В каббалистической теории Лилит – первая жена Адама. Не желая подчиняться, она рассталась с ним и превратилась в злого демона. Упоминается в Эпосе о Гильгамеше, ранних апокрифах христианства, арабских мифах.

Всё, что рядом, искажая,
В оргии
ночной
летит.

Мать бездомных (хоть не Ева)
Всех пригреет, приютит
И, добрей орлицы чрева,
Тлен несчастных потрошит.
В диком танце, в пляске гнева
Терний головы крушит.

לוּ תִּחְיִי לִי אַתְּ לִילִית
מְהַבְהֶבֶת
מְעַוְעֶוֶת
בְּקַדַּחַת הִלּוּלִית.

אַתְּ הָאֵם לְבֵן-לֹא-בַיִת.
אַתְּ הַחֵיק לְאֵין לוֹ כֹּל.
רַחוּמָה כְּרֶחֶם עַיִט
עַל רְקַב אָדָם יִפֹּל.
רְפוּטֵי שָׁמִיר וְשַׁיִת
אַתְּ עוֹרֶפֶת בַּמָּחוֹל.

За грехи

Он кается в грехах
И он в тщете винится
Дрожит в руке струна ей больше не звучать
Он - эхо скуп в словах
И эхом повторится
Вослед мелодии " Пойдём мой друг встречать". [4]

Ты тень скользишь ручьём
Ты ищешь и петляешь
Ты как цыганка - всякий уведёт с собой
Ты слаще ночи – днём
Ты львицей ускользаешь
Ты струйка ручейка в тяжёлый летний зной.

על חטא

וְהוּא מַכֶּה עַל חֵטְא
וְהוּא מַכֶּה עַל תֹּהוּ
וְהוּא מֵרְעִיד מֵיתָר פָּקַע אִבּוֹ בִּכְדִי
וְהוּא דָּמוּם כַּהֵד
וּמְרַצֵּד כָּמֹהוּ
הוּא מִצְטַמֵּר לְמַנְגִּינָה לְכָה-דוֹדִי.

אַתְּ יְחִידָה כַּצֵּל
אַתְּ בּוֹגֶדָה כַּנַּחַל
אַתְּ תִּצְעֲנִי לַכֹּל, לַכָּל עוֹבֵר וָשָׁב
אַתְּ מְתוּקָה כַּלַּיִל
אַתְּ חֲמֵקָה כַּשַּׁחַל
אַתְּ מְפַכָּה כְּנַחַל בַּשָּׁרָב.

---

[4] Из молитвы на встречу субботы: "Пойдём, мой друг, встречать невесту". В тексте стихотворения использованы выражения из молитв и ТАНАХа. Кроме очевидного противоставления духовного (в данном случае, "мужского") начала чувственному ("женскому"), есть здесь противоставление ограничений, накладываемых монотеистическим иудаизмом, личной ("цыганской") свободе в условиях языческого поклонения силам пророды, которое практиковалось древними жителями Иудеи-Канаана. В оригинале строки нечётных строф начинаются с "И он", а чётных с "Ты".

Пылает сердцем он
И словно глаз темнеет
Свеча его души горит и он в огне
Всё тело бури стон
Вина он тяжелее
Напеву плоти в такт качаясь как во сне.

וְהוּא בּוֹעֵר כַּלֵּב
וְהוּא כָּבֶה כָּעַיִן
וְהוּא דּוֹלֵק בְּלַהַב נֵר נִשְׁמַת אָדָם
וְהוּא חוֹמֵר כַּגַּו
וְהוּא כָּבֵד כַּיַּיִן
הוּא מִתְנוֹדֵד לְמַנְגַּינַת בָּשָׂר וָדָם.

Ты тень навек одна
Ты ветренней блудницы
Любой прохожий взор воспламеняет твой
Ты ночь и ты темна
Ты хищная как львица
Ты жаждешь ты ручей сжигаемый жарой.

אַתְּ יְחִידָה כַּצֵּל
אַתְּ בּוֹגֶדָה כַּנַּחַל
אַתְּ תִּלְהֶטִי לַכֹּל, לְכָל עוֹבֵר וָשָׁב
אַתְּ אֶפְלָה כַּלַּיִל
אַתְּ אוֹכֶלָה כַּשַּׁחַל
אַתְּ שׁוֹקֶקָה כְּנַחַל בַּצָּרָב

Как сердце он разбит
Он беззащитней глаза
Он зверем мечется - не вырваться из пут
И он вином бурлит
И с телом тает разум
И языки огня его на части рвут.

וְהוּא מֻכֶּה כַּלֵּב
וְהוּא נִרְתָּע כָּעַיִן
עָקוּד הוּא כְּחַיָּה בְּרֶצַע יְתָרִים
וְהוּא שׁוֹתֵת כַּגֶּו
וְהוּא זוֹעֵק כַּיַּיִן
הוּא מִשְׁתַּרְבֵּט בְּלַהֲבוֹת בֵּין הַבְּתָרִים.

Ты только тень одна
Ты льнёшь подобно речке
Ты вся огонь для тех кто даст тебе любовь
Ты ночь - обнажена
Ты будто львица в течке
Ты что ручей - смеясь обманешь вновь и вновь.

אַתְּ רוֹחֶפָה כַּצֵּל
אַתְּ לוֹקֶקָה כַּנַּחַל
אַתְּ תִּלְחֶכִי בַּכֹּל, בְּכָל אֲשֶׁר יֹאהַב
אַתְּ עֲרֻמָּה כַּלַּיִל
אַתְּ יַחוּמָה כַּשַּׁחַל
אַתְּ צוֹחֶקָה כַּנַּחַל הָאַכְזָב.

Всевидящий как глаз
Он сердца тяжелее
Тобой свершённый грех всегда тебе простит
Он горше вин в сто раз
И тела он добрее
И весь молитвой в камне он звучит.

וְהוּא קָשֶׁה כַּלֵּב
וְהוּא נוֹקֵב כַּעַיִן
הוּא מְבַקֵּשׁ כַּפֵּר הַחֵטְא אֲשֶׁר חָטָאת
וְהוּא רַחוּם כַּגֶּו
וְהוּא נִגָּר כַּיַּיִן
הוּא מִתְנַגֵּן בְּבַהַט-אֶבֶן אֶת-נִשְׁמָת.

Ты тень и ты весь мир
Ручьём спешишь струиться
Лизать готова всех в ком жар любви сильней
Ты ночь и ты кумир
Ты без приплода львица
Ты исчезаешь как в песке ручей.

אַתְּ יְחִידָה כַּצֵּל
אַתְּ מְפַכָּה כַּנַּחַל
אַתְּ לוֹהֶטָה לַכֹּל, לְכָל אֲשֶׁר יאֹהַב
אַתְּ אֵלֵלָה כַּלַּיִל
אַתְּ שַׁכּוּלָה כַּשַּׁחַל
אַתְּ נְמוֹגָה כְּנַחַל בַּשָּׁרָב.

Песня на музыку Цвики Пик в его исполнении
на сайте **https://www.youtube.com/watch?v=EijyKmNVRoo**

На скрипке

"Прекрасны..". – скрипка тает,
Струна скрежещет: "Стой!"
"Любите!" - кровь взывает.
И с кровью кровь – на бой.

Клянётся скрипка: "Вечно!"
Струна, смеясь: "Чуть свет
Заложат всё, конечно,
И не предавших нет".

Я видел рай воочию
И, как псалом, я пел.
Но битым быть той ночью –
Таков людей удел.

А скрипка: "Отдохните!"
Струна: "Ножи готовь!"
А кровь кричит: "Спасите!"
Но прах засыпет кровь.

Клянётся скрипка: "Вечно!"
Струна, смеясь: "Чуть свет!

עֲלֵי כִּנּוֹר

כִּנּוֹר מַרְעִיד: מַה-טּוֹבוּ.
מֵיתָר חוֹרֵק: עֻצַּר.
וְדָם רוֹדֶה: אֶהֹבוּ.
וְדָם בְּדָם יְשֹׁר.

כִּנּוֹר נִשְׁבָּע: עַד מָוֶת.
מֵיתָר צוֹחֵק: עַד אוֹר
- וְכָל יָשָׁר יֵעָבֶט
וְכָל בָּהִיר יִמֹּר.

הָיִיתִי בֶּן אַלְמָוֶת
הָיִיתִי כַּמִּזְמוֹר
וְכָל קָדְקֹד יֵחָבֶט
בַּלַּיְלָה הַשָּׁחוֹר.

כִּנּוֹר מַרְעִיד: רְפָא-נָא.
מֵיתָר צוֹנֵר: חֶרֹג.
דָם צוֹעֵק: הוֹשַׁע-נָא.
וְדָם עָפָר יָלֹק.

כִּנּוֹר נִשְׁבָּע: לַמָּוֶת.
מֵיתָר צוֹחֵק: עַד אוֹר

Всё в мире быстротечно,
И непреклонных нет".

И каждый до рассвета
Со смертью бой ведёт,
Но, что предаст всех, это
Известно наперёд.

А скрипка: "Где спасенье?"
Струна скрежещет вновь.
И жертвой преступленья
На смерть стекает кровь.

А скрипке мнится вечность...
Из ямы - хрип струны:
"Всё целое – увечность,
И слову нет цены".

Как смерть сильна, спокойна,
Цепка , как мирры куст...
Той чёрной ночью в бойне
Костей лишь слышен хруст.

- וְכָל נָחוּשׁ יֵחָבֶט
וְכָל חָקוּק יִמֹּר.

שָׁרָה אָדָם עִם מָוֶת
שָׁרָה אָדָם עַד אוֹר
וְכָל מוֹרֵד לַשָּׁבֶט
בַּלַּיְלָה הַשָּׁחוֹר.

כִּנּוֹר נִתָּר: לַיֶּשַׁע!
מֵיתָר נוֹחֵר שָׁחוּט.
וְדָם בּוֹכֶה עַל פֶּשַׁע.
וְדָם נוֹטֵף עַל מוּת.

כִּנּוֹר הוֹזֶה אַלְמָוֶת.
מֵיתָר חוֹרֵק מִבּוֹר.
וְכָל יָשָׁר יֵעָוֶת.
וְכָל בָּהִיר יִמֹּר.

וְהִיא עַזָּה כַּמָּוֶת
וְהִיא נוֹהָה כַּמֹּר
וְרֹאשׁ בְּרֹאשׁ יֵחָבֶט
בַּלַּיְלָה הַשָּׁחוֹר.

Паяц

Он к ногам её сердце своё положил -
Фараоновой дочери тёплый ковёр.
Она шагом невесты
По телу прошла и прыжком
Устремилась, раскрывшись, в объятья другого,
Его пожалев - как служанка, как мать.
Он утешился и примирился
Смеясь -
Шут, паяц...

מֵקִיּוֹן

הוּא שָׁלַף אֶת לִבּוֹ וּשְׁטָחוֹ לְרַגְלָהּ
כְּמַרְבָּד לְרַגְלֵי בַּת פַּרְעֹה –
וּבְרֶגֶל כָּלָה
טָפְפָה בִּבְשָׂרוֹ הַנּוֹטֵף
וְקָפַץ אֶל חֵיקוֹ שֶׁל אֲדוֹן עֶרְיָתָהּ.
וַתָּחֹן יְצוּרָיו כְּשִׁפְחָה וּכְאֵם
הִתְמַכֵּר וְיַחֵם
וְצָחֹק:
הַמֵּקִיּוֹן...

Он затих на полу у прекрасных колен,
Как на жертвенник брошенный нежный олень.
И коснулась ладонью
Склонённой его головы, потряся.
И хранителя скромности тень рассекла,
Одарила любовью –святая, как мать.
Просветлел и простил
Отступив –
Шут, паяц...

Он с себя обожжённую кожу содрал –
Фараоновой дочери тёплый ковёр –
И голодным скелетом
Улёгся на влажной золе,
Преклонясь пред звездою того, кто звездою его завладел.
И готов был рассыпаться в прах – как наложница, мать.
И растаял, простил
И вознёс –
Шут, паяц...

הוּא בּוֹסֵס בַּמַּרְבָּד וְכָרַע אֶל בִּרְכָּהּ
כְּאַיִל אֶל אֶבֶן מִקְדָּשׁ –
וּבְכַף גּוֹהֲרָה
הֶמְמָה קָדְקֳדוֹ הַמֻּטָּה
וַתִּשְׁחַט אֶת צִלּוֹ שֶׁל רִבּוֹן עֲנוּתָהּ.
וַתְּחֹן אַהֲבָה כִּקְדֵשָׁה וּכְאֵם
הִטַּהֵר וְרֵחֵם
וְכִפֵּר:
הַמֶּקְיוֹן...

הוּא גָּלַל אֶת הָעוֹר הֶחָרוּךְ מִן הַגֵּו
כְּמַרְבָּד מֵרַגְלֵי בַּת פַּרְעֹה –
וּבְשֶׁלֶד רָעֵב
הִתְפַּלֵּשׁ בֶּעָפָר הָרָטֹב
וְסָגַד לַכּוֹכָב שֶׁל גּוֹזֵל כּוֹכָבוֹ.
וְהַדֶּשֶׁן נִתְחַח כְּפִלֶּגֶשׁ וְאֵם
הִתְמוֹגֵג וְנַחֵם
וּבָרַךְ:
הַמֶּקְיוֹן...

Поздравление

1

Восемнадцать роз в восемнадцать лет!
Да простит мне Бог, ведь греха в том нет.
Что дремало во мне, теперь рвётся на свет.
Прикоснулась рука – грудь трепещет вслед.

Если выгляжу злобным, жестоким подчас,
Равнодушным, холодным, чей пламень погас,
Ты не верь: я влюблённым пришёл в этот раз.
Что казалось игрой, стало правдой сейчас.

ברכת שושנים

א

יוּד-חֵת שׁוֹשַׁנִּים לְבַת הַיּוּד-חֵת
וְאַל יַחְשְׁבָהּ אֱלֹהַי לִי לְחֵטְא
כִּי כָל שֶׁנִּרְדַּם בִּי גָּאָה וְחוֹבֵט
כִּי יָד עוֹלֵלָה אֶל חֶזֶהָ רוֹטֵט.

וְאַל-נָא תִּרְאִינִי נִקְשָׁה וְסוֹנֵט
וְאַל-נָא תִּרְאִינִי אֲדִישׁ וְשׁוֹמֵט
כִּי בָּאתִי הַפַּעַם חָמוּם וְרוֹהֵט
הָפַךְ הַמִּשְׂחָק וְהָיָה לֶאֱמֶת.

В восемнадцать лет – восемнадцать роз!
В этот раз побеждён я, опутан всерьёз.
Я в огне неподвижен стою, безголос,
Ведь на сердце в обмен я своё принёс.

יוד-חֵת שׁוֹשַׁנִּים לְבַת הַיּוד-חֵת
כִּי בָּאתִי הַפַּעַם נִכְנָע וְכוֹפֵת
כִּי בָּאתִי הַפַּעַם בָּעֹר וְהַצֵּת
כִּי בָּאתִי הַפַּעַם לִקַּח וְלָתֵת.

2

ב

Девятнадцать роз в девятнадцать лет!
Да простит мне Бог, ведь греха в том нет.
Всё, что жило во мне, ещё рвётся на свет.
Только б мне приговор не услышать вслед.

יוד-טֵת שׁוֹשַׁנִּים לְבַת הַיּוד-טֵת
וְאֵל יַחְשְׁבָהּ אֱלֹהַי לִי לְחֵטְא
כִּי כָּל אֲשֶׁר חַי בִּי עֲדַיִן לֹא מֵת
אִם חַד כַּחֶתֶף עָלָה הַכּוֹרֵת.

Если любящий глаз ненавидит подчас,
Если ревности жгучей огонь не погас,
Ты прости: пред Астарты [5] судом в этот раз
Я стою. Жизнь иль смерть – всё решится сейчас.

לְעֵין אֲהוּבָה חִנָּנִית וְשׂוֹנֵאת
לְעַיִן רָעָה הַצּוֹדָה לְמוֹתֵת
סְלְחִי, כִּי כָּבֵד עֹל עַשְׁתֹּרֶת מִשֵּׁאת
הִכָּה הַגּוֹרָל בְּעִנְבַּל הַכָּרֵת.

В девятнадцать лет - девятнадцать роз!
Если взор мой жжёт, не суди всерьёз.
Ты прости, если я онемел безголос,
Ведь сегодня сердце тебе я принёс.

יוד-טֵת שׁוֹשַׁנִּים לְבַת הַיּוד-טֵת
סְלְחִי אִם הָעַיִן עִתִּים תִּתְלַהֵט
סְלְחִי אִם הַפֶּה בַּעֲוִית מִתְרַפֵּט
סְלְחִי כִּי לַלֵּב לֹא יָכֹל הַחוֹנֵט.

Лес

Перебирает ветер стебли-струны. Нет просвета.
Покров травы лесной под сводом листьев спит.
Спаси, божок мой! Ахитофель [6], посоветуй
Наложнице заблудшей: с ней лишь эхо говорит.

יער

אֶגְרַת רוּחוֹת תִּפְרֹט עַל גִּבְעוֹלִים. וְאֹפֶל.
וְדֶשֶׁא מִתְרַפֵּד אֶל אַפִּרְיוֹן עָלִים.
קְדֵשׁ בֶּן-שְׁעִירִים! הוֹשִׁיעָה, אֲחִיתֹפֶל.
לְבַת הַרְמוֹן תּוֹעָה, מַכָּה גַּלִּים.

---

[5] Астарта (Аштар, Ашторет) – у разных древних народов – богиня любви, плодородия и войны
[6] Ахитофель – советник царя Давида – воплощение мудрости. Наложницам царя разрешалось придерживаться привычной им религии.

Зажгла фитиль, лицом склонилась к дыму фимиама.
Душистая трава слёз женских боль уймёт.
Во влажной зелени горят огни Астарты храма.
Сквозь зелень влажную ко мне мой господин идёт.

חֲזֵה עִשְׁבֵּי דָמוּם כָּבַשׁ פָּנִים בִּקְטֹרֶת
גּוֹהָה דִּמְעַת חַוָּה בְּעֵשֶׂב רֵיחָנִי.
בִּירַקְרַק גָּשׁוּם עוֹלֶה מִקְדַּשׁ עַשְׁתֹּרֶת
בִּירַקְרַק גָּשׁוּם פּוֹסֵעַ אֲדוֹנִי.

Подушка

Да, я знаю запах этот:
Мандрагора – страсти цвет.
Но дом пуст, и до рассвета
Зря прожду я, друга нет.

Я – Астарта! О, помилуй!
Я свободна и бедна,
Но в подушках (где ты, милый?)
Голова сейчас одна.

כָּר

כֵּן. אֵדַע. כִּי הִיא נִיחֹחַ.
דוּדָאִים נָתַתְּ בַּחֵיק.
וְדוֹדִי זָנַח זָנֹחַ
וְהַבַּיִת דַּךְ. וְרֵיק.

וַאֲנִי חָפְשִׁית. וְעָנִי.
וְרֹאשִׁי אֶחָד בַּכָּר.
בִּי עַשְׁתֹּרֶת. חֹנִי. חֹנִי.
הֲיָבוֹא דוֹדִי מָחָר?

Струна

Как шаги твои в туфельках быстры!
Бал кружится, сверкает, гудит.
И бедро прикоснётся со смыслом,
И струна от струны задрожит.

Как шаги твои в туфельках быстры!
Бал в струю превратился одну.
И белеет плечо алебастром,
И струна раскаляет струну.

Как шаги твои в туфельках быстры!
Изгибаются руки дразня.
И бедро обжигает, как искра,
И сближаются струны звеня.

*

מֵיתָר

כִּי יָפוּ בַּנְּעָלִים פְּעָמַיִךְ
וְהַנֶּשֶׁף חוֹגֵג וְסוֹאֵן
וְהַבֶּרֶךְ סוֹבֶבֶת בְּדַעַת
וּמֵיתָר אֶל מֵיתָר מְדַנְדֵּן.

כִּי יָפוּ בַּנְּעָלִים פְּעָמַיִךְ
וְהַנֶּשֶׁף חָמֹק וְרוֹטֵט
וְכָתֵף מְרַחֶפֶת כַּבַּהַט
וּמֵיתָר אֶל מֵיתָר יִתְלַהֵב.

כִּי יָפוּ בַּנְּעָלִים פְּעָמַיִךְ
וְחַמּוּק לְחַמּוּק יְחוֹלֵל
וְהַבֶּרֶךְ שׁוֹאֶבֶת כַּלַּהַט
וּמֵיתָר אֶל מֵיתָר יְחַלְחֵל.

*

Бросим бал. Позови за собою.
Ночь глубокая быстро промчит.
И сомкнётся одежда обоих,
И струна для струны зазвучит.

Бросим бал. Позови за собою.
Ночь щемящая так нежна.
И, дрожа, платье стулья укроет,
И прижмётся к струне струна.

Бросим бал. Позови. Сон так чуток.
Обожжённая хрипнет струна,
И одежда теряет рассудок.
Ночь темна и любовью полна.

הָבָה-נָא אָבוֹא אֵלַיִךְ,
כִּי הַלַּיְלָה עָמֹק וְצוֹנֵן
וְהַסּוּת מִצְטַלְהֶבֶת בְּרַהַט
וּמֵיתָר אֶל מֵיתָר מִתְנַגֵּן.

הָבָה-נָא אָבוֹא אֵלַיִךְ,
כִּי הַלַּיְלָה עָנֹג וְשׁוֹרֵט
וְהַסּוּת מִצְטַנֶּפֶת בְּרַעַד
וּמֵיתָר אֶל מֵיתָר יִתְרַדֵּד.

הָבָה-נָא אָבוֹא אֵלַיִךְ,
כִּי נִחָר הַמֵּיתָר וְצָרוּב
וְהַסּוּת מִתְעַלֶּפֶת מִגַּעַת
וְהַלַּיְלָה אֶחָד – וְאָהוּב.

Идол

Твои лодыжки видел сквозь ограду
И к господину твоему спустился в дом до сна
Не скрыл он от меня ни золота, ни стада,
А лишь тебя,
поскольку ты его жена.

Я этой ночью буду возлежать с тобою,
Как идол мужества, и тайны тайн твои,
Как вор, во мраке ощупью раскрою
Я с полночи до утренней зари.

צֶלֶם

רָאִיתִי קַרְסֻלַּיִךְ רַחוּמָה
וְאֵרֵד בֵּית אֲדוֹנֵךְ לְרִשְׁתּוֹ
וְלֹא **חָשַׂךְ** מִמֶּנִּי מְאוּמָה
כִּי אִם אוֹתָךְ –
-בַּאֲשֶׁר אַתְּ אִשְׁתּוֹ.

לָכֵן אֶשְׁכַּב עִמָּךְ הַלַּיְלָה
וְהָיִיתִי צֶלֶם לָךְ. זָכָר.
מָתֵק עוֹרֵךְ בַּסּוּת וְשֹׁד יָדִי לָהּ
מֵחֲצוֹת עַד טֶרֶם שַׁחַר יוֹם מָחָר.

Давильня [7]

פּוּרָה

[7] "Один Я топтал в давильне, и не было со Мной ни одного из народов, и топтал Я их в гневе моём и попирал их в ярости Моей" (ТАНАХ, Книга пророков, Исайя, 63, 3)

Давильня...
Я, как грозди, мял их всех один меся.
Возле меня ни одного из братьев нет.
Давильня...
И я умер, тяжкий грех в душе неся.
Прощай, мой свет!

Что праху моему в могиле? Ливень и репей.
На прах в могиле давит холм камней.
Мой прах в могиле до костей прожжён.
Мой прах в могиле криком измождён.

Неси же, женщина, печаль свою и мой посев.
Сотри же, женщина, слезу свою и друга гнев
И, друга грешного, меня забудь скорей –
Ещё немало будет у тебя других друзей.

Но в день Давида, в час, когда могила зацветёт,
Прошу, к забытому отцу пусть сын придёт.
Во славу Бога благовонья травы запали,
Чтоб ощутил я их сквозь тёплый ком земли.

Когда же первый алый луч пошлёт восток,
Возьми, дитя, наш свадебный букет,
Брось на могилу мне увядший лепесток –
Услышишь, как дрожит от радости скелет.

Давильня...
Я, как грозди, мял их всех один меся.
Возле меня ни одного из братьев нет.
Давильня...
И я умер, тяжкий грех в душе неся.
Прощай, мой свет!

פּוּרָה
דָּרַכְתִּי לְבַדִּי
וּמֵאַחִים אֵין אִישׁ אִתִּי
פּוּרָה
וּמַתִּי בְּחֶטְאִי
הֲיֵי שָׁלוֹם, בִּתִּי.

עֲפַר קִבְרִי, לוֹ טַל וְלוֹ מַטַר
עֲפַר קִבְרִי, לוֹ אֶבֶן וְדַרְדַּר
עֲפַר קִבְרִי, חָרוּךְ עַד עֶצֶם בְּעָמְקוֹ
עֲפַר קִבְרִי מָעוּךְ בְּצַעֲקוֹ.

שְׂאִי, אִשָּׁה, עָצְבֵךְ וּבֶן אוֹנִי
מְחִי, אִשָּׁה, דִּמְעֵךְ וַחֲרוֹנִי
נְשִׁי, אִשָּׁה, עֲמַל דּוֹדֵךְ הַזֶּה הָרָע
כִּי עוֹד נָכוֹנוּ דּוֹדִים לְנַעֲרָה.

רַק יוֹם דָּוִד, כִּי בוֹר קִבְרִי יִפְרַח
יִטֶּה-נָא בֵּן אֶל קֶבֶר אָב נִדָּח
יָבוֹא עָשֵׁן בְּהוֹד יְהוֹ מָלֵךְ
אֲמֵשָׁנוּ נָא כְּרֶגֶב חַם.

וְטֶרֶם אוֹר, בִּתְכֹל שָׁנִי אֶל תֵּל
עֲדִי, בִּתִּי, הֵד כְּלוּלוֹת קָמֵל
חָנִינִי נָא רַק אֵגֶל אֵד יָהֵל
וְשִׁלְדִּי לָךְ יָגֵל בִּרְעָדָה.

פּוּרָה
דָּרַכְתִּי לְבַדִּי
וּמֵאַחִים אֵין אִישׁ אִתִּי
פּוּרָה
וּמַתִּי בְּחֶטְאִי
הֲיֵי שָׁלוֹם, בִּתִּי.

Из сборника "В пурпуре"

В пурпуре

Моей матери груди не брал ты,
Одним мирром не мазаны, брат, мы.
Лишь яма одна, глубока, и туда
Падут с небес за звездою звезда.
Но звездопад у каждого свой,
И каждый иной обладает душой.
Ведь народ царя тогда не имел,
И каждый творил, что хотел.

И всех друг за другом погубит война,
Где всяк за себя, но дорога одна,
И каждый заплатит кровью сполна,
И чашу свою каждый выпьет до дна.
И каждый, своими костями стеля,
Проложит пурпурный путь ввысь для себя.

* *

Моей матери груди не брал ты,
И не пали в одном бою, брат, мы.
Один есть венец, но он недостижим.
Закон повелит – все склонятся пред ним.
И у каждого свой гнев в груди горит,
И у каждого свой меч, что суд вершит.
Ведь народ царя тогда не имел,
И каждый творил, что хотел.

И каждый заплатит кровью сполна,
И всех друг за другом погубит война,
Где всяк за себя, но дорога одна,

מן הספר "בָּאַרְגָּמָן"

בָּאַרְגָּמָן

לֹא יָנַקְתָּ שְׁדֵי אִמִּי, אַחָא,
וְלֹא שֶׁמֶן אֶחָד מָשָׁחְנוּ.
וְרַק הַבּוֹר – אֶחָד הוּא וְרָחָב
אֵלָיו יִפֹּל כּוֹכָב אַחַר כּוֹכָב.
אִישׁ וְאִישׁ וְשֶׁבֶר כּוֹכָבוֹ
אִישׁ וְאִישׁ וְגֹבַה לְבָבוֹ
- כִּי בַּיָּמִים הָהֵם אֵין מֶלֶךְ
וְאִישׁ הַיָּשָׁר בְּעֵינָיו יַעֲשֶׂה.

וְאִישׁ וְאִישׁ – יְשַׁלֵּם בְּדָמָיו
וְאִישׁ וְאִישׁ – יִסָּפֶה עַל אֶחָיו
וְאִישׁ וְאִישׁ: לַדֶּרֶךְ פְּעָמָיו –
וְהֹלֶם גְּבוֹרִים עַל פִּי אָבְדָן.
וְאִישׁ וְאִישׁ יִרַפֵּד בַּעֲצָמָיו
אֵם הַדֶּרֶךְ הָעוֹלָה בָּאַרְגָּמָן.

* *

לֹא יָנַקְתָּ שְׁדֵי אִמִּי, אַחָא,
וְלֹא מָוֶת אֶחָד מצאנו.
וְרַק הַכֶּתֶר – אֶחָד הוּא וְרָחוֹק.
אֵלָיו יִשַּׁח כָּל רֹאשׁ וְרֹאשׁ כַּחֹק.
אִישׁ וְאִישׁ וֶלַהַט חֲמָתוֹ
וְאִישׁ וְאִישׁ וְחֶרֶב מִשְׁפָּטוֹ
- כִּי בַּיָּמִים הָהֵם אֵין מֶלֶךְ
וְאִישׁ הַיָּשָׁר בְּעֵינָיו יַעֲשֶׂה.

וְאִישׁ וְאִישׁ – יְשַׁלֵּם בְּדָמָיו
וְאִישׁ וְאִישׁ – יִסָּפֶה עַל אֶחָיו
וְאִישׁ וְאִישׁ: לַדֶּרֶךְ פְּעָמָיו –

И чашу свою каждый выпьет до дна.
И каждый, своими костями стеля,
Проложит пурпурный путь ввысь для себя.

* *

Ты ляжешь первым, другие вослед.
Ты будешь первым – других путей нет:
На помост идти одному
И могилу рыть самому.
Ведь кто-то первым кровь должен пролить,
И с первых дней так могло только быть.
Ведь народ царя тогда не имел,
И каждый творил, что хотел.

О каждом напишут кровью его,
Чтоб племени частью он стал своего.
И каждый заплатит кровью сполна,
И всех друг за другом погубит война,
И каждый окрасит – последний шаг! –
Своей чёрной кровью пурпурный стяг.

Из сборника "Вожделение"

Одень меня, любимый
(из цикла "Влюблённые")

Одень меня, любимый,
в лучшие одежды.
Скажи,
хорош ли благовоний аромат?
Я Улицей парчи спушусь сейчас,
но прежде,
чем отошлёшь,

וְהֹלֶם גִּבּוֹרִים עַל פִּי אֶבְדָן.
וְאִישׁ וָאִישׁ יִרַפֵּד בַּעֲצָמָיו
אֵם הַדֶּרֶךְ הָעוֹלָה בָּאַרְגָּמָן.

* *

אַתָּה רִאשׁוֹן – כַּכֶּלֶב הַמּוּמָת.
אַתָּה רִאשׁוֹן בדרך האחת:
הַדּוֹרֵךְ עַל בָּמוֹתָיו – לְבַדּוֹ
הַחוֹצֵב לוֹ קֶבֶר בְּיָדוֹ.
אַתָּה רִאשׁוֹן לְשֶׁפֶךְ הַדָּמִים
אַתָּה רִאשׁוֹן לְרֵאשִׁית הַיָּמִים
- כִּי בַּיָּמִים הָהֵם אֵין מֶלֶךְ
וְאִישׁ הַיָּשָׁר בְּעֵינָיו יַעֲשֶׂה.

וְאִישׁ וָאִישׁ – יִכְתֹּב בְּדָמָיו
וְאִישׁ וָאִישׁ – יֵאָסֵף אֶל עַמָּיו
וְאִישׁ וָאִישׁ - וְהֹלֶם פְּעָמָיו
שׁוֹפָר בַּגִּבּוֹרִים עַל פִּי אֶבְדָן.
וְאִישׁ וָאִישׁ יְצַבַּע בִּשְׁחוֹר דָּמָיו
סוּת הַדֶּגֶל בִּתְכֹּלוֹ אַרְגָּמָן.

מן הספר "יוֹחֶמֶד"

עֲדֵנִי דּוֹד
(מהמחזור "דודים")

עֲדֵנִי דּוֹד
מֵיטַב מַחְלְצוֹתַיִם
- הֲטוֹב הַבֹּשֶׂם בְּאַפְּךָ
דּוֹדִי?
אֲנִי יוֹרֶדֶת לְדֶרֶךְ רִקְמָתַיִם
שַׁלְחַנִי דּוֹד
שַׁלְחַנִי

взгляни на мой наряд.

Как хорошо, что здесь с тобой одни мы!
Но, милый, мне пора. Ужель не видишь ты?
Ещё раз поцелуй!
Последний раз, любимый,
и отошли меня до темноты.
Ты видишь:
я принадлежу тебе всецело.
Сейчас,
как женщина простая из простых,
я сяду в прах на перекрёстке белом.
Ведь я –
всего лишь прах у ног твоих.

И не дано мне знать:
несу ль в себе твоё я семя
иль чреву моему
ещё придётся ждать.

Кружится купол неба,
сталью отливая.
Далёк и чужд людских печалей и забот.
И я, простёршись ниц,
Астарту призываю:
"Внемли, любви и плодородия оплот!
Будь милостива, дочь богов, на время,
дочь матери моей от всяких бед храня!"

Любимый,
женщин тысяча есть у тебя в гареме,
и столько же их
в чреве у меня.

חֲמוּדִי –
שַׁלְחַנִי דּוֹד
-הֲלֹא רוֹאוֹת עֵינָיִךְ –
שַׁלְחַנִי דּוֹד בְּטֶרֶם
חֲשַׁכָּה

הֲלֹא תִרְאֶה –
כֵּלַי כֵּלַי
אֵלַיִךְ –
עַתָּה אֵלֶךְ בְּדֶרֶךְ
כָּל בָּשָׂר
עַתָּה אֵלֶךְ
לָשֶׁבֶת אֵם הַדֶּרֶךְ
הֲלֹא הָיִיתִי לְרַגְלַיִךְ
כֶּעָפָר –
וְלֹא אֵדַע אִם עוֹד רַחְמִי
אֵלַיִךְ
וְלֹא אֵדַע
אִם עוֹד רַחְמִי
שֶׁלִּי
יָסֹב
יָסֹב
גַּלְגַּל תָּכֹל כַּחֶרֶב
כַּפַּת שָׁמַיִם
זָרָה מֵעִמִּי –
מְלֹא הָאָרֶץ
בַּת אֵלִים עַשְׁתֶּרֶת
אַפַּיִם אֶרֶץ לְרֶחֶם
בַּת אִמִּי
כִּי –
אֶלֶף הַנָּשִׁים לְהַרְמוֹנֶךָ
וְאֶלֶף הַנָּשִׁים
- בְּרַחֲמִי.

Наполнилась кожа моя
(из цикла "Влюблённые")

Наполнилась кожа моя росою пальцев твоих.
Пальцы мои
Играют на теле твоём
Скажи мне, любимый,
Почему стремится к тебе
Душа моя, раскрыв объятья?
Скажи, любимый,
Как мог ты позабыть тогда про
Ногу,
Влажную от страсти?
.....
Во мне, милый.
Разве не видят глаза твои:
Я лечу на колоске ночи,
Несёт меня факел дней твоих
Между светом и тенью,
И тень...
Скажи, любимый,
Будет ли благословение твоё
И впредь сопровождать Астарту
Непорочную?

Оно со мною
Над твоей страною.
Обнажена, как Ева, обнимаю мир.
Как пламя листопада, я полна покоя,
Над смертью праздную победы пир.
Я пред тобою
В танце страсть раскрою,
Вбирая в высях страсти дольних сфер.

רָוָה עוֹרִי
(מהמחזור "דודים")

רָוָה עוֹרִי מִטַּל אֶצְבְּעוֹתֶיךָ
אֶצְבְּעוֹתַי
נוֹגְנוֹת עַל בְּשָׂרְךָ
הַגִּידָה, דוֹד
מַדּוּעַ זֶה אֵלֶיךָ
נַפְשִׁי יוֹצֵאת בְּחֵבֶק זְרֹעוֹת
הַגִּידָה, דוֹד
מַדּוּעַ זֶה מִמֶּךָּ
נִשְׁכָּחָה פַּעַם רֶגֶל
בּוֹכִיָּה?
.....
בִּי חֲמוּדִי
הֲלֹא צוֹפוֹת עֵינֶיךָ –
אֲנִי נִסַּעַת עַל שִׁבֹּלֶת לַיִל
אֲנִי נִשֵּׂאת עַל מַשּׂוּאוֹת יָמֶיךָ
אֲנִי נִשֵּׂאת בֵּין אוֹר וְצֵל
וְצֵל –
הַגִּידָה, דוֹד
מַדּוּעַ בִּרְכָתֶךָ
לֹא תְלַוֶּה עַשְׁתָּרְתִּ
הַבְּתוּלָה?

אֲנִי הוֹלֶכֶת
אֶרֶץ הַמַּמְלֶכֶת
עֶרְיַת חַוָּה חוֹבֶקֶת עוֹלָמוֹת
אֲנִי חוֹגֶגֶת שֶׁקֶט אֵשׁ שַׁלֶּכֶת
אֲנִי חוֹגֶגֶת חַג גָּדוֹל עַל מוֹת
אֲנִי רוֹקֶדֶת
נֶגְדְּךָ מִנֶּגֶד
קוֹטֶפֶת שֶׁפִי חֵשֶׁק עֲרָבוֹת.

Семь

1

Я не знаю,
Дан ли нам один лишь вечер
Или семь их,
Пира дней,
Данных нам испить друг друга,
Встретить утра час.
Знаю только:
Это радость, радость рвётся из под ига,
Поднялась во мне, как будто
Вечность,
Затаив дыханье,
Благовониями мирры
С головы до ног
Покрыла нас.

С первым
Из семи рассветов этих
Я б стоял с тобою рядом потрясённый
И вдыхал безумно грудью
Дня зелёный аромат...
О земля,
Земля,
Когда бы ты дала такой цветок мне
Только в этот раз – пусть так! -
Но и тогда благословил бы я тебя, земля, семижды,
Как благословить т е б я сегодня я от сердца
Рад.

2

Даже, если

שֶׁבַע

א

לֹא אֵדַע אִם אַךְ
אֶחָד הוּא עֶרֶב זֶה
נָכוֹן לִשְׁנֵינוּ
אִם שִׁבְעַת יְמֵי מִשְׁתֶּה
לִגְמֹעַ זֶה אֶת זוֹ
עַד-אוֹר –
אַךְ שִׂמְחָה
עוֹלָה
פּוֹרֶצֶת
בִּי עוֹלָה: כְּמוֹ
הַנֵּצַח
נְשָׁמָה עֶצֶר
עַד נַעַל
רֹאשׁ-סֶלָם-מְנַטֵּף-מוֹר –

וְעִם שַׁחַר שְׁבוּעֵנוּ
אֶעֱמֹד מוּלֵךְ
יָדֵעַ
וְשׁוֹאֵף נִיחוֹחַ פֶּרֶא
שֶׁבָּשְׂמוֹ יָרֹק-צָחֹם
אֶרֶץ
אֶרֶץ
לוּא נָתַתְּ לִי זֶה הַפֶּרַח אַך
הַפַּעַם
בֵּרַכְתִּיךְ עַל אַחַת שֶׁבַע
כְּבָרְכִי א ו תְ ך
הַיּוֹם.

ב

גַּם אֵדַע כִּי אַךְ

Нам с тобою
Дан всего один лишь вечер,
А не семь дней,
Чтоб, в сиянье слёз и света погружаясь,
Мы прожили каждый час,
Посмотри:
Листва испила влаги и росой умылась.
Сквозь неё к нам истекает
Вечность,
Чтоб своей рукою
Благовоньем мирры нежным
С головы до ног
Очистить нас.

До исхода дня
Спокойно
Буду слать тебе улыбку,
Ловя сердцем обнажённым
Твой чудесный аромат.
О земля,
Земля,
Дала ты мне такой цветок чудесный.
Пусть лишь в этот раз, но всё же
Я тебя благословляю , о земля моя, семижды,
Как благословить е ё сегодня я от сердца
Рад.

Цыганка

Цыганка
будущее нам перетасует.
Кружится
в танце зал,
а мы с тобой

אֶחָד הוּא עֶרֶב זֶה
יָרַד עַל שְׁנֵינוּ
לֹא שָׁבוּעַ חֲמוּדוֹת
נוֹגַהּ-דֶּמַע
לַח וְאוֹר –
אַךְ עַלְוָה
רָוָה
רוֹחֶצֶת
תְּרַחֵף: זוֹ כַּף
הַנֵּצַח
רוֹעֶפָה מֵרֹאשׁ
עַד נַעַל
לְטַהֵר בְּנֵטֶף מוֹר.

וְעַד מוֹצָאֵי יוֹמֵנוּ
תְּלַוֵּךְ עֵינִי
רָגֵעַ
מְחַיֵּךְ אֶל הַנִּיחוֹחַ
בְּגָלוּי וְלֵב עֵירֹם –
אֶרֶץ
אֶרֶץ
כִּי אָמַרְתְּ לִי זֶה הַפֶּרַח אַךְ
הַפַּעַם
בָּרַכְתִּיךְ עַל אַחַת שֶׁבַע
כְּבָרְכִי אוֹתָהּ
הַיּוֹם.

אַחַת

צוֹעֲנִיָּה
תִּטְרֹף עֲתִידוֹתַיִם
וְהָאוּלָם סוֹבֵב
כֻּלּוֹ מָחוֹל
וּבָעוֹלָם

и есть всё то,
что нас
интересует
в огромном мире
и в толпе чужой.

Цыганка
мечет будущие встречи.
Подмигивая
мчится мир
по сторонам.
Твоя рука в моей,
сближаем плечи.
Для танца
не нужны другие
нам.

Сияют зеркала
на стенах зала,
но в полночь
гаснет
свет
на потолке.
Ты,
как цыганка,
будущее
перетасовала,
и моё сердце
у тебя
в руке...

Усмешка

Я вспоминаю твой приход.
Как ты вошла с дождя

אֲנַחְנוּ
פֹּה
בִּשְׁנַיִם
בְּתוֹךְ הֲמוֹן אָדָם
גָּדוֹל גָּדוֹל –

צוֹעֲנִיָּה
טוֹרֶפֶת מַדּוּחַים
וְהָעוֹלָם קוֹרֵץ
יָמִין וּשְׂמֹאל
הַיְשִׁירִי בַּת
אֲנַחְנוּ
פֹּה
בִּשְׁנַיִם
אֲנַחְנוּ רַק בִּשְׁנַיִם
בַּמָּחוֹל

וְעִם חֲצוֹת
שְׁעַת חֲצוֹת לִשְׁנַיִם
כָּל הָאוֹרוֹת
כָּבוּ
בְּבַת אַחַת
רַק
צוֹעֲנִית,
טָרַפְתְּ
עֲתִידוֹתַיִם
רַק אֶת לִבִּי
עָרַפְתְּ
בְּבַת
אַחַת –

חִיּוּךְ

וְכִי אֶזְכֹּר בּוֹאֵךְ
כֵּלֵךְ רוֹעֶפֶת

И первое приветствие стыдливо
Произнесла
Свозь одиночество своё.
И усмехаюсь я,
Не зная,
Какая сила помешала мне
Подняться и вобрать твою любовь
Той ночью:
Окутал вдруг меня
Печали свет...

Я вспоминаю, как тогда
Похолодела и застыла ты
И гневно
Произнесла последнее приветствие
Прощаясь.
И усмехаюсь я сейчас,
Не зная,
Какая сила завладела мной
И не дала мне встать и постучать
К тебе той ночью:
Окутали меня твоя печаль
И одиночество...

Тогда возник твой голос предо мной
И зазвенел впервые смелым смехом,
Как флейта нежным,
И не знаю,
Что за сила
Заставила меня прервать его
Кривой усмешкой,
Вместо того, чтобы позвать тебя
(Я так желал тебя той ночью!)...
Но я окутан был
Печалью дня.

שָׁלוֹם רִאשׁוֹן נָבוֹךְ
מִגַּלְמֹדֵךְ
אָז אֲחַיֵּךְ –
וְלֹא אֵדַע
מַה כֹּחַ הוּא
שֶׁמְּנָעַנִי מִלָּקוּם אֶסֹּף
אַהֲבָתֵךְ בַּלַּיְלָה
כִּי רַד עָלַי
עָצְבִּי
בְּתוֹךְ הָאוֹר

וְעֵת אֶזְכֹּר עוּרֵךְ
קָפְאָה נוֹשֶׁפֶת
שָׁלוֹם אַחְרוֹן כָּבוּשׁ
בְּזַעְפֵּךְ
אַז אֲחַיֵּךְ –
וְלֹא אֵדַע
אִם כֹּחַ הוּא
שֶׁכְּלָאַנִי מִלָּקוּם לִדְפֹּק
עֲלֵי דַלְתֵּךְ בַּלַּיְלָה
עֵת רַד עָלַי
עָצְבֵּךְ
בְּתוֹךְ גַּלְמֹד –

וְאָז צִלְצֵל קוֹלֵךְ
צָלַח מִנְּגֶד
בִּשְׂחוֹק רִאשׁוֹן אָמֹץ וְחֲלִילִי
וְלֹא אֵדַע
מַה כֹּחַ רַן בִּי
לְקָטְמוֹ בִּצְרַם חִיּוּךְ
וְלֹא קָרָאתִי לָךְ פָּשׁוּט
כִּי בִּקַּשְׁתִּיךְ הַלַּיְלָה
כִּי רַד עָלַי
עָצְבִּי
בְּתוֹךְ הַיּוֹם.

Похороны

Я, милая,
Остановился
И издали смотрел
- Последняя, одна! –
Когда поднимешь голову
И подойти смогу.
Ведь,
Если б подошёл к тебе сейчас,
Что, девочка,
Я б мог тебе сказать?

Я, милая,
Остановился
И издали -
Последняя, одна! –
Следил за светом
В любимом мной окне.
Ведь,
Если бы поднялся я к тебе тогда,
Что, девочка,
Я б мог тебе сказать?

Всю душу, сердце
Вложил в твои я руки.
Была ты рядом –
Первая, одна!
Судьбу свою отдал я в руки той,
Что так любил...
Ведь,
Если бы поцеловал её тогда,
Что, девочка,
Я б мог бы ей сказать?

לְוָיָה

אֶת צַעֲרִי הֵצַרְתִּי
חֲמוּדָה
וּמֵרָחוֹק
אַחַת וְאַחְרוֹנָה
אֶעְשֶׂה כִּבְרַת דַּרְכִּי
אַחַר רֹאשֵׁךְ תִּמַּר
כִּי
לוּא קָרַבְתִּי
בַּת
וְאֵין מִלָּה בְּפִי

אֶת צַעֲרִי הֵצַרְתִּי
חֲמוּדָה
וּמֵרָחוֹק
אַחַת וְאַחְרוֹנָה
עֵינִי אֶל אוֹר
אֶשְׁנָב אֲשֶׁר אָהַבְתִּי
כִּי
לוּא עָלִיתִי
בַּת
וְאֵין מִלָּה בְּפִי

אֶת כָּל לִבִּי
נָתַתִּי בְּכַפֵּךְ
וּמִקָּרוֹב
אַחַת וְרִאשׁוֹנָה
חִדְלַת חַיִּים כַּפִּי
לַכַּף אֲשֶׁר אָהַבְתִּי
כִּי
לוּא נְשַׁקְתִּיהָ
בַּת
וְאֵין מִלָּה בְּפִי

След

Моё ухо устало
Ловить эхо твоих каблуков
Которые не придут
Мой глаз устал
Блуждать в поисках покачиваний твоего бедра
Исчезнувших где-то там
Откуда пришла
И куда ты ушла дорогая

Проём дверей моих
Померкнет
Как свет за слепым окном
Куда заберёшь ты
Все сны
Ханум
Откуда пришла
И куда ты ушла дорогая

Только на ковре
Сохранились отпечатки ног твоих
И ещё не стёрлись
Я всматриваюсь
Как меняются вмятины
Пока не сотрутся и не исчезнут там
Откуда пришла
И куда ты ушла дорогая

עָקֵב

עָיְפָה אָזְנִי
מִקְּשׁוֹב הֵד מִנְעָלַיִךְ
שֶׁלֹּא יָבוֹא
עָיְפָה עֵינִי
מִתְּעוֹת אֶל נִיד יָרֵךְ
אָבַד אֵי פֹּה
לַאֲשֶׁר מִמֶּנּוּ בָּאת
הָלַכְתְּ הַבַּת

מַלְבֵּן פִּתְחִי
יַחְוִיר מוּל הַחַלּוֹן
הַסּוּם
עַל מַה תִּקָּחִי
אֶת כָּל הַחֲלוֹמוֹת
חַנּוּם
לַאֲשֶׁר מִמֶּנּוּ בָּאת
הָלַכְתְּ הַבַּת

רַק בַּמַּרְבַּד
מִטְבַּע רַגְלַיִךְ שָׁרַד
וְטֶרֶם יִמָּחֶה
כֵּלִי נִבָּט
אֶל נִיד עָקֵב קָמָט
בְּטֶרֶם יִמָּחֶה
לַאֲשֶׁר מִמֶּנּוּ בָּאת
הָלַכְתְּ הַבַּת

Лист

Листья лилия раскрыла
И упал один из них

עָלֶה

הַשּׁוֹשָׁן פִּתַּח עָלֵהוּ
וְהִשִּׁיר מִן הַבָּזִיךְ

Тает уст твоих вкус алый
На губах моих

Алый вкус он новый вечно
Терпкий и хмельной
Мир стирается под вечер
И встаёт с зарёй

А любовь навек - до ночи
А любовь по гроб - до дня
На губах вкус алый сочный
У меня

בִּשְׂפָתַי לוֹחֵךְ עוֹד טַעַם
פִּיךָ

פִּי מָתֶה אֲדוֹם שְׂפָתַיִךְ
הֶחָדָשׁ עִמָּךְ תָּמִיד
חַי עוֹלָם נִמְתָּה עַרְבַּיִם
וְרָבִיד

אַהֲבַת תָּמִיד בֶּן לַיִל
אַהֲבַת עוֹלָם בַּת יוֹם
בִּשְׂפָתַי נוֹשֵׁם עוֹד טַעַם
הָאֲדוֹם –